

В. В. Курятников

ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

V. V. Kuryatnikov

FEATURES OF THE MODEL OF CONSTITUTIONAL JUSTICE IN RUSSIAN FEDERATION

В статье обосновывается вывод о том, что в России, с учетом ее правовых традиций, специфики политического устройства и особенностей рецепции конституционно-правовых институтов, сложилась самобытная, уникальная комбинированная модель конституционного контроля. Анализируя факторы влияния и степень восприятия российской правовой системой зарубежных моделей конституционного контроля, автор приходит к выводу о синтезированном характере конституционно-правовой рецепции в результате которой имеет место сочетание децентрализованной системы такого контроля, основанной на принципе субсидиарности федерального и региональных конституционных (уставных) судов и наделении полномочиями по осуществлению конституционного правосудия неспециализированных судебных органов.

Ключевые слова: конституционно-правовая рецепция; субсидиарность органов конституционного (уставного) судебного контроля; судебная власть; конституционный (уставный) суд; модель конституционного правосудия.

The article substantiates the conclusion that Russia, with its legal tradition, the specifics of the political system and the reception characteristics of the constitutional and legal institutions, has developed an original, unique combined model of constitutional review. Analyzing the factors of influence and the degree of perception of the Russian legal system, foreign models of constitutional review, the author concludes that synthesized nature of the constitutional and legal reception as a result of which there is a combination of a decentralized system such controls, based on the principle of subsidiarity, the federal and regional constitutional (charter) courts and vesting powers for the implementation of specialized constitutional courts.

Keywords: constitutional and legal reception; subsidiarity of constitutional (charter) judicial review; judicial branch; constitutional (charter) court; model of constitutional justice.

Разнообразие правовых систем, культуры и традиции, а также сравнительная молодость конституционного правосудия, обусловили различие существующих в различных государствах моделей конституционного контроля. При этом, конституционный контроль в федеративном государстве выступает в качестве механизма как обеспечения единства регионального и федерального законодательства, так и разрешения споров и конфликтов в сфере разграничения полномочий между федерацией и ее субъектами.

В этой связи исследовательский интерес представляет вопрос о том, в каком виде и в какой мере зарубежные модели конституционного контроля были воспри-

няты российской правовой системой, а также каков характер их трансформации в российской правовой действительности.

Как известно, в мировой практике насчитывается несколько основных моделей конституционного контроля. Так, традиционно выделяют централизованную систему конституционного правосудия, которую еще именуют как «европейскую» [12, с. 15] («австрийскую», «кельзеновскую», «германскую», «французскую» [4, с. 25] «концентрированную» [14, с. 260—284] и децентрализованную (или диффузную), которую называют «американской». По мимо названных моделей, зарубежные авторы, на примере ряда стран Латинской

Америки, предлагают особо отличать такие организационные системы как система специального конституционного суда или трибунала, система специализированного органа в рамках судебной системы и система наделения полномочиями по отправлению конституционного правосудия не специализированных судебных органов [2]. Нельзя обойти вниманием и наличие такой особой формы конституционного контроля, как процедура ампаро, которая характерна для Мексики, Испании и ряда других, преимущественно, опять же латиноамериканских стран. Данная процедура, представляет собой специфический институт специализированного судебного контроля, охраны конституционного правопорядка и режима законности, осуществляемой органами судебной власти в рамках самостоятельного производства в отношении любого нормативного акта, противоречащего Основному Закону [3, с. 21—25; 8, с. 12]. Профессор Х. А. Донсель Луенго, характеризует «процедуру ампаро» как альтернативный метод защиты основных конституционных прав, дополнительный по отношению к внутригосударственным средствам защиты и «окончательный» с точки зрения того, что последним звеном в созданной Европейской Конвенцией о защите прав человека, является ЕСПЧ [1].

Современная российская модель конституционного контроля на этапе своего создания была ориентирована на европейскую конституционную юстицию, получившую наибольшее распространение после Второй мировой войны, и основной целью которой была защита демократических ценностей. Аналогичной цели придерживались и государства бывшего социалистического лагеря при переходе к демократическим формам государственного режима. В отличие от конституционной юстиции «старой» Европы, органы конституционного контроля стран молодой демократии начали действовать одновременно с многопартийными плюралистическими парламентами, что нередко вызывало противостояние между различными ветвями власти. Не стала исключением и Россия образца конца 90-х годов двадцатого столетия.

Формирование российской модели конституционной юстиции, при общности целей, направленных на защиту демократии в ситуации перехода от тоталитаризма к демократическому режиму, во многом отличается от других. По мнению А. Ди Грэгорио, причиной тому стало отсутствие процесса люстрации, процесса реституции, национализированной ком-

мунистами собственности, инструментов ограничения парламентского большинства, как это имело место в других бывших социалистических странах Восточной Европы [6, с. 6].

Представляется, что отказ от люстрации, как законодательного ограничения политических прав, в том числе пассивного избирательного права, для некоторых категорий лиц по профессиональным, политическим, религиозным и иным признакам [5, с. 66—89], стали выбором российского общества в пользу отказа от дискриминации граждан. В этой связи, является верным вывод, сделанный Л. А. Нудненко о том, что правовые нормы о люстрации, наделенные обратной силой, и предполагающие лишение избирательных прав за деяния, которые на момент их совершения не признавались правонарушением (например, членство в коммунистической партии), имеют сходство с теорией и практикой тоталитарных режимов по отношению к своим политическим противникам [11, с. 37—42]. Исходя из исторического опыта действия Конституции РСФСР 1918 года и Конституции РСФСР 1925 года, содержащих нормы о люстрации, для современной России процесс нормативного обновления без применения этого и подобного ему институтов, был единственно верным.

Необходимо отметить, что при очевидном и не вызывающем явных возражений заимствовании Российской Федерацией самого института судебного конституционного контроля, отдельные его элементы и механизмы воспринимаются не как заимствованные, а скорее, как выработанные уже непосредственно в отечественной практике [4, с. 26]. В связи с этим, необходимо определиться с объемом и видом рецепции зарубежного опыта и спецификой адаптации зарубежных практик к российской правовой системе.

Под рецепцией в конституционном праве, А. И. Дудко предлагает понимать процесс заимствования правовой системой (получателем), элементов иной правовой системы (донора), перенос моделей конституционного и политического устройства одних государств на другие страны. При этом отличительной чертой рецепции в конституционном праве является более глубинное заимствование правовых идей, принципов и институтов, нежели рецептирование отдельных правовых норм и институтов в гражданском и уголовном праве и процессе. Указанным автором предлагается выделить три основных вида конституционно-правовой рецепции: «прямая (чистая) рецепция»,

подразумевающая воспроизводство классического, выработанного мировой практикой или предшествующей правовой системой юридического материала; «синтезированная рецепция» — которая заключается в «расщеплении» юридического наследия с последующим синтезированием его элементов в каких-то новых комбинациях; «тотальная рецепция» — это полная «отмена» старых качества и формы, нечто абсолютно новаторское и антагонистическое с прошлым [7, с. 13—14].

Процесс рецепции модели конституционного контроля в России на федеральном уровне, а за ним и в субъектах Российской Федерации характеризуется влиянием нескольких факторов: во-первых, историческим опытом российского конституционного контроля, стадии развития которого наиболее точно, на наш взгляд, были определены М. А. Митюковым: 1) зарождение в России идеи конституционного правосудия в XIX — начале XX века; 2) приспособление Верховного Суда СССР к осуществлению «подсобной роли» в конституционном надзоре; 3) период более полувекового существования конституционного контроля только в «квазипарламентских формах»; 4) осуществление охраны Конституции посредством специализированного конституционного надзора (1988—1991 гг.); 5) обеспечение верховенства Конституции и ее правовой защиты самостоятельным и независимым органом судебного конституционного контроля — Конституционным Судом Российской Федерации. Во-вторых, комбинированным вариантом конституционных преобразований, смысл которых состоял в рецепции конституционных норм, казавшихся авторам текста Конституции РФ, наиболее адекватными российской ситуации. Так, в разделах Конституции РФ включены элементы из конституций различных стран: на трактовку прав человека оказали воздействие международные и европейские хартии по правам человека и конституции четвертого поколения; на формирование модели ассиметричного федерализма — конституции Испании и Бельгии, а отчасти возможно Индии. Традиционное влияние германского конституционализма отразилось на общей трактовке федерализма и формировании верхней палаты. Под влиянием Конституции США была введена процедура отрешения президента от должности и механизм внесения поправок в Конституцию [10, с. 163]. Что касается конфигурации российской конституционной юстиции, то исследователями отмечается следующие

влияние европейских моделей: немецкая — на порядок подачи жалоб граждан и споров между центром и субъектами Российской Федерации, итальянская модель — на заявления судей общей юрисдикции, модели бывших соцстран — в том, что касается абстрактного толкования конституции [6, с. 8].

Следуя преобладающей в общемировом правовом пространстве конституционно-правовой доктрине, Россия выбрала путь учреждения отдельного органа конституционного контроля на федеральном уровне и предоставления права создания конституционных (уставных) судов субъектов, по своей правовой природе аналогичных природе Конституционного Суда Российской Федерации [13, с. 33] и имеющих двойственную природу: они являются частью единой судебной системы Российской Федерации и органом судебной власти субъекта РФ, самостоятельно и независимо осуществляющим правосудие посредством конституционного судопроизводства. Сравнительно-правовой анализ основных законов субъектов РФ, учредивших конституционные (уставные) суды, показывает, что в них закрепляются полномочия, состав, порядок формирования соответствующих судов. Конкретизация всех элементов правового статуса конституционных (уставных) судов содержится в специальных законах субъектов РФ об этих судах, которые заимствуют, адаптируя для региональных судов, нормы из Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». Законы субъектов РФ содержат не только общие, на основе федерального законодательства, нормы, но и свои нигде более не повторяющиеся особенные нормы, которые содержатся только в законе определенного субъекта РФ.

Признавая, что в Российской Федерации в основе своей имело место ориентирование на европейскую модель конституционной юстиции, нельзя обойти вниманием то обстоятельство, что в отсутствие в субъекте РФ конституционного (уставного) суда, возложение конституционно-контрольной функции происходит на суд общей юрисдикции, что характерно для американской модели. В данном случае речь идет о конституционном контроле, осуществляемом судами общей юрисдикции, под которым понимается любая форма проверки на соответствие конституции актов и действий органов публичной власти, а также общественных объединений, осуществляющих публичные функции или созданных (формально и/или фактически)

для участия в осуществлении публичной власти [9, с. 72].

Таким образом, можно констатировать, что на современном историческом этапе в результате рецепции и последующей адаптации к условиям общественной жизни рецептированных элементов европейской модели конституционного судопроизводства, в нашей стране сформировалась комбинированная модель

конституционного правосудия, которая включает в себя децентрализованную систему конституционного контроля, основанную на принципе субсидиарности органов такого контроля субъектов Российской Федерации по отношению к федеральному Конституционному Суду, и наделение полномочиями по отправлению конституционного правосудия не специализированных судебных органов.

Литература

1. Doncel, Luengo J. A. El Modelo Espanol de Justicia Constitucional Espanol / Luengo J. A. Doncel // *Direito Publico*. — 2005. — № 9.
2. Perez, Tremps P. La Justicia Constitucional en la Actualidad. Especial Referencia a Amerika Latina / Tremps P. Perez // *Revista brasileira de direito constitucional*. — 2003. — V. 1. — No 1.
3. Александрова, М. А. Конституционный Суд Российской Федерации как современная модель конституционного правосудия / М. А. Александрова // *Российский судья*. — 2010. — № 3. — С. 21—25.
4. Белов, С. А. Заимствование моделей конституционного контроля в правовой системе России / С. А. Белов, О. А. Кудряшова // *Журнал конституционного правосудия*. — 2012. — № 6. — С. 25—38.
5. Бойцова, В. Люстрация в Центральной и Восточной Европе: акт справедливости или способ легитимации новой правящей элиты? / В. Бойцова, Л. Бойцова // *Правозащитник*. — 1993. — № 3. — С. 66—89.
6. Ди Грэгорио, А. Судьба российской конституционной юстиции: сравнительный анализ / А. Ди Грэгорио // *Журнал конституционного правосудия*. — 2008. — № 4. — С. 5—8.
7. Дудко, А. И. Рецепция в конституционном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. И. Дудко. — Челябинск, 2010.
8. Клишас, А. А. Процедура ампаро как форма конституционного контроля в Мексике : автореф. дис. ...канд. юрид. наук / А. А. Клишас. — М., 2002.
9. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : в 4 т. — Т. 1—2 / отв. ред. Б. А. Страшун. — М. : БЕК, 1996.
10. Медушевский, А. Российская модель конституционных преобразований в сравнительной перспективе / А. Медушевский // *Конституционное право: восточно-европейское обозрение*. — 2003. — № 2. — С. 148—166.
11. Нудненко, Л. А. Проблема люстрации в решениях Европейского суда по правам человека / Л. А. Нудненко // *Конституционное и муниципальное право*. — 2014. — № 11. — С. 37—42.
12. Нуриев, Г. Х. Европейская модель конституционного судопроизводства / Г. Х. Нуриев. — М., 2015.
13. Павликов, С. Г. О совершенствовании правового регулирования статуса конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации / С. Г. Павликов // *Конституционное и муниципальное право*. — 2007. — № 3. — С. 31—35.
14. Шевчук, С. Основы конституционной юриспруденци / С. Шевчук. — Харків, 2002.

КУРЯТНИКОВ Виталий Владимирович, преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин факультета подготовки сотрудников правоохранительных органов, соискатель кафедры конституционного и административного права, Южно-Уральский государственный университет (НИУ). 454038, Россия, г. Челябинск, ул. Электростальская, д. 47 а. E-mail: kuryatnikov74@gmail.com

KURYATNIKOV Vitaly Vladimirovich, lecturer of the Department of State and the Civil Law Disciplines of the Faculty of law enforcement training, Competitor of the Department of Constitutional and Administrative Law VPO "South Ural State University" (NIU). 454038, Russia, Chelyabinsk, st. Elektrostal, d. 47 a. E-mail: kuryatnikov74@gmail.com

For citation: **V. V. Kuryatnikov** Features of the model of constitutional justice In Russian Federation

Problemy prava (Issues of Law) founders journal № 6(54).2015. pp. 69—72.

Problemy prava (Issues of Law) founders journal № 6 (54)/2015